

A detailed illustration of three medieval warriors standing in a rugged, mountainous landscape. The central figure is a man with long, flowing blonde hair and a beard, wearing ornate plate armor with a chainmail collar and gauntlets. He holds a sword at his side. To his left is a man with long brown hair and a beard, wearing a red cloak over chainmail armor, also holding a sword. To the right is a man with dark hair and a beard, wearing a brown fur-trimmed cloak over chainmail armor. The background features steep, rocky mountains under a hazy sky.

Гоча Пасиешвили

**Жребий Иафета.
Рюрик**

Жребий Иафета.

Гоча Пасиешвили

Жребий Иафета. Рюрик

«Автор»

2026

Пасиешвили Г. А.

Жребий Иафета. Рюрик / Г. А. Пасиешвили — «Автор»,
2026 — (Жребий Иафета.)

Эпическое фэнтези в духе «Игры престолов», основанное на древнерусских летописях и сагах. Кровь, интриги, магия древних богов и железный выбор, перед которым не устоять никому. Это история о том, как рождаются империи. Как честь становится слабостью, а предательство — единственной добродетелью. Как старые боги молчат, а новые ещё не научились говорить. И как три брата делят землю, забыв заветы Ноя. Когда старого князя находят мёртвым, а его любимого сына убивают при загадочных обстоятельствах, над страной нависает тень междоусобицы. И тогда в игру вступает пришлый Рюрик, конунг варягов, чьё имя на всех северных языках означает «вечный вождь». Он приходит по приглашению мёртвого князя, чтобы установить порядок. Но какой ценой? Одни назовут его спасителем. Другие — узурпатором. Третьи — просто железом, которое режет, потому что не умеет жалеть.

© Пасиешвили Г. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гоча Пасиешвили

Жребий Иафета. Рюрик

Книга1

Пролог

Новгород Великий, год 6367 от сотворения мира (859 год от Р.Х.)

Старый князь проснулся от того, что кто-то дышал ему в лицо. Запах был знакомым — дёготь, старая кожа и чеснок. Гостомысл не открыл глаз. Он лежал на медвежьей шкуре, слушая, как за стенами терема воет осенний ветер с Ильмень-озера. Дыхание приблизилось, коснулось щеки, и грубый голос прошептал:

— Вставай, княже. Мёртвые не спят в такой час.

Гостомысл открыл глаза. Над ним склонялся Хольги — его старый кузнец, а ныне хранитель ключей от городских ворот. Лицо Хольги было серым, как пепел.

— Кто умер? — спросил Гостомысл. Голос прозвучал хрипло — он пил медовуху до третьего петуха.

— Твой сын, — Хольги провел рукой по лицу, — Святослав. Нашли его на дворе под орешником. Шея сломана.

Гостомысл сел. Мир качнулся, но не от хмеля.

— Убит?

— Упал, говорят. Пьян был.

— Все мы пьяны, — сказал Гостомысл. — Но сыновья мои падают только тогда, когда их толкают. Кто толкнул?

Хольги молчал. Старый князь понял всё. Не спрашивай — узнаешь. А догадка хуже смерти.

— Позови других сыновей, — велел Гостомысл. — Всех. Пусть придут в гридницу. И пусть приведут своих людей.

— Сейчас? Солнце ещё не взошло.

— Сейчас, — сказал Гостомысл. — Пока они не убили друг друга.

Хольги ушёл. Гостомысл остался один в темноте. Только красный угол с глиняными идолами чуть светился — там дотлевали угли. Перун, Велес, Макошь глядели деревянными лицами, и лица их были одинаково равнодушны.

Вот вам и боги, — подумал Гостомысл. Никто не свернул сыну шею. Это сделали люди. Свои.

Он подошёл к окну, отодрал мокрую бычью пузырину и выглянул наружу. Новгород спал. С высоты княжеского терема было видно, как Волхов блестит под луной, разделяя город на две половины. Земля новгородская была богата, но скупа на радость. Озеро Ильмень, реки — Волхов, Мста, Ловать — всё вело к морю или к Днепру, к Царьграду.

За спиной скрипнула дверь. Вернулся Хольги.

— Позвал, — сказал кузнец. — Придут.

— Добро, — Гостомысл не обернулся. — Хольги, сколько лет ты служишь моему роду?

— Тридцать, княже. С той поры, как ты привёл меня из Ладogi.

— Ты помнишь, как мы изгнали варягов?

— Помню. Это была большая война.

— Мы выгнали их, потому что они брали слишком много, — Гостомысл повернулся. — Что делается на торгу?

— Тише, чем обычно. Кривичи задержали обоз с воском. Варяги в Ладоге подняли цену на меха. Хазары на Дону перехватили три лады.

— А Добрыня?

— Твой средний сын торгует как обычно. Говорят, нажил состояние на перепродаже мечей.

— Нажил, — печально заметил Гостомysl. — Он всегда умел торговать. Умел бы ещё мирить братьев — цены бы ему не было.

Гостомysl подумал и о дочери — Белославе. Единственной, кто унаследовал его ум, а не горячность сыновей. Два года назад он отдал её за море, за конунга Рюрика, в надежде на прочный союз. Но вести оттуда приходили скудные: то ли жива, то ли нет, то ли родила, то ли нет. Наконец сообщили, что скончалась при родах. «Проклятое заморье, — подумал старый князь. — Забирает детей и не возвращает даже костей».

Он вздохнул. Добрыня — хитрый, скользкий. Крут — прямой, как дуб. А Святослав был его надеждой. Умный, смелый, не жадный. И вот лежит под орешником со сломанной шеей.

— Иди, — сказал Гостомysl. — Встречай гостей.

Гридница наполнилась. Гостомysl сидел на возвышении, опираясь на посох из моржовой кости. Правую руку ему заменял деревянный протез с железным крюком.

Перед ним стояли трое.

Старший, Крут — широкоплечий, с длинными русыми усами. Он командовал ополчением и ненавидел младших братьев лютой ненавистью. Его люди — стояли у левой стены.

Средний, Добрыня — тонкий, с глазами, которые всегда смотрели в сторону. Хитрец, торговец. Его наёмники держались у правой стены.

Младший, Святослав, лежал на лавке у двери, накрытый холстом. Мёртвый. Никто не смотрел в его сторону, но все чувствовали его присутствие.

— Кто? — спросил Гостомysl тихо. — Кто убил?

Тишина. Только треск лучины.

— Он упал сам, — сказал наконец Крут. — Пьяный упал.

— Он не пил вчера, — возразил Добрыня. — Я видел. Он пил воду.

Крут медленно повернул голову к брату.

— Ты обвиняешь меня?

— Я говорю, что видел.

— Ты всегда видишь то, чего нет, — Крут сплюнул на пол. — Потому что твои глаза проданы варягам.

— А твои руки проданы древлянам, — ответил Добрыня. — Тебе мало было дани? Ты хотел ещё. И Святослав стоял на пути.

Крут сделал шаг вперёд. Его люди схватились за мечи. Люди Добрыни — тоже.

— Стоять, — сказал Гостомysl.

Голос его был негромок, но в нём было что-то такое, от чего железо стынет в ножнах. Братья замерли.

— Вы оба убьёте друг друга, — продолжал старый князь. — А потом придут варяги и пережгут оставшихся. Вы этого хотите?

— Варяги не придут, — отрезал Крут. — Мы выгнали их в прошлом году.

— Они вернутся, — сказал Добрыня. — Им нужна наша дань. Им нужна наша земля. Они уже шлют драккары к Ладоге.

— Откуда ты знаешь?

— Я плачу им дань, чтобы они не грабили мои обозы, — заметил Добрыня. — А твои обозы, брат, они грабят. Потому что ты глуп.

Крут бросился вперёд, сбил Добрыню с ног и сжал горло. Люди его обнажили мечи. Люди Добрыни — тоже.

— Хватит! — крикнул Гостомысл.

Никто не услышал. Старый князь поднялся, сошёл с возвышения, прошёл сквозь толпу воинов — они расступались перед ним, как волны перед камнем — и оказался рядом с дерущимися братьями. Крюком правой руки он ударил Крута в плечо — не сильно, но точно. Крут взвыл и откатился.

— Ты что, отец?!

— Я — князь, — сказал Гостомысл. — А вы — щенки. Святослав мёртв. И если вы не остановитесь, через год мертвы будете вы оба.

Он оглядел зал. Воины опустили мечи.

— Послушайте меня, — сказал Гостомысл. — Я стар. Я помню, как наши отцы изгнали варягов. И что вышло? Род на род. Кровь за кровь. А хазары тем временем берут дань с полян и северян.

Он помолчал, переводя дух.

— Вы думаете, я не знаю, что делается в моей земле? Знаю. Леса вырублены, зверь ушёл. Кривичи подняли плату за волок. И никто не защитит. Потому что нет порядка. Нет князя, которого все боятся и слушаются.

— Ты предлагаешь вернуть варягов? — спросил Добрыня, потирая разбитую губу.

— Я предлагаю подумать, — ответил Гостомысл. — Собрать совет. Позвать старейшин от всех племён. И решить, как жить дальше.

— Решить? — Крут засмеялся. — Они не умеют решать. Они умеют только резать.

— Тогда будем резать вместе, — сказал Гостомысл. — Или поодиночке. Выбирай.

В гриднице стало тихо. Слышно было, как за стенами ветер гонит первые снежинки.

Ночью Гостомыслу не спалось. Он сидел у окна, глядя на чёрную воду Волхова. Река текла быстро, темная, глубокая. По ней ходили драккары из варяг в греки — через Ладогу, Новгород, Смоленск, вниз по Днепру, в Царьград. Этим путём кормились все, но путь был длинный и опасный.

Гостомысл посмотрел на идолов в углу. Перун молчал. Велес молчал. Макошь молчала.

— Вы есть? — спросил старый князь вслух.

Ответа не было. Только ветер завыл тоньше, жалобнее, будто кто-то умер, а хоронить некому.

Он встал, накинул шубу и вышел на крыльцо. Ночь была холодной, звёздной. Над городом висела луна — огромная, жёлтая, как глаз мёртвого волка. Он долго думал. Если он не примет меры сейчас, все его начинания и достижения пойдут прахом.

— Эй, Хольги! — крикнул Гостомысл.

Кузнец вынырнул из темноты.

— Здесь, княже.

— Напиши грамоту. За море, варягам. Напиши так: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами.

— Кому писать? — спросил Хольги. — Какому конунгу?

— Тому, кто умнее других. И жесточе. Пиши Рюрику. Лишь бы порядок навёл.

Хольги поклонился и ушёл. Гостомысл остался на крыльце один. Он не знал, что через три года умрёт, так и не увидев варягов. Но знал, что его сыновья перережут друг друга, если он умрет раньше. И начнется смутное время.

С этой мыслью он вернулся в терем, лёг на лавку и закрыл глаза. Уснул он не сразу. Но под утро сон всё же пришёл — тяжёлый, без снов, как смерть.

1. Добрыня

Новгород Великий, год 6370 от сотворения мира (862 год от Р.Х.)

Добрыня узнал о смерти отца на торгу.

В тот час он торговал три бочки воска у купца из Ладоги и уже собирался ударить по рукам, когда мимо пробежал мальчишка-отрок, босой, в разодранной рубаше, и закричал: «Ярл помер! Старый ярл помер!»

Торг замер, а потом загудел, как потревоженный улей. Добрыня не слышал ничего — только стук собственного сердца. Он оставил воск, купца, мальчишку — всё. Побежал к терему, падая в грязи и поднимаясь снова.

У терема уже толпились люди. Кто-то плакал, кто-то молча смотрел на дверь. Добрыня прорвался сквозь толпу, взбежал по ступеням. В гриднице пахло ладаном и смертью. Отец лежал на лавке, накрытый парчой, которую берегли для великих праздников. Лицо его было белым, как снег, и спокойным.

— Когда? — спросил Добрыня у Тормода, который стоял у изголовья со свечой.

— Сегодня на заре. Проснулся, велел подать завтрак, съел ложку каши и замер. Без мучений.

Добрыня посмотрел на другую сторону лавки. Там стоял Крут. Старший брат был красен и тяжело дышал. Глаза блестели — то ли от слёз, то ли от злости.

— Отец ничего не сказал перед смертью? — спросил Крут у Тормода. — О наследстве?

— Ничего, — ответил Тормод. — Умер, как свеча догорела.

Братья переглянулись. Третьего уже не было. Остались двое волчат. И город, который они должны были поделить.

— Права была Астрид, смута наступает — подумал Добрыня. — Четыре года назад отец сам сосватал ему эту рыжеволосую варяжку.

— Дочь ярла Хальвдана из Бирки, — сказал тогда Гостомысл. — Хальвдан — богатый купец, воин, друг самого Торкеля. Это даст нам серебро и связи за морем».

Свадьбу играли в Новгороде, с варяжскими гостями и медовухой. Астрид оказалась не красивой, но хозяйственной и с характером — не молчала в тереме, лезла в торговые расчёты, родила дочь Герду. Но любви не было.

Сорок дней пировали на поминках. Сорок дней лилась медовуха, резали быков и баранов. Сорок дней Добрыня и Крут сидели за одним столом, улыбались друг другу и считали, сколько воинов у каждого за спиной.

На сорок первый день Крут объявил себя князем Новгородским.

— Я старший, — сказал он на вече. — Мне по праву отцовский стол.

— Тебе по праву тупой меч, — ответил Добрыня. — Отец не оставил завещания. Решать будем все вместе.

— И что выйдет? — Крут повысил голос. — Усобицы! Кровь! Кто убил Святослава, Добрыня? Может, ты знаешь?

Добрыня побледнел, но промолчал. Он знал, что говорить сейчас — значит начать резню.

— Я предлагаю подождать, — сказал он. — Отец послал грамоту за море. Если варяги придут — они рассудят.

— Варяги? — Крут засмеялся, и его люди подхватили смех. — Ты предатель, брат. Ты продашь город за серебро.

— А ты продашь его за кровь, — ответил Добрыня. — Давай так: до прихода варяг никто не садится на отцовское место. А когда придут — пусть решат.

Вече зашумело. В итоге порешили: ждать.

Крут ушёл, злой, на свою половину города. Добрыня ушёл к себе, в терем у Торгового конца. Дома его ждала Астрид. Жена сидела у окна, глядя на Волхов, и машинально гладила по голове маленькую Герду, которая возилась с деревянной лошадкой. Добрыня с порога бросил:

— Крут объявил себя князем.

Астрид не обернулась.

— А ты что?

— Я предложил ждать варягов.

— Умно, — она наконец повернулась. В её зелёных глазах не было страха, только холодный расчёт. — Варяг рассудит. А ты пока не лезь под меч. Добрыня хотел возразить, но посмотрел на дочь и промолчал.

Варяги пришли на сорок пятый день.

Добрыня стоял на пристани и смотрел, как из утреннего тумана vyplывают драккары.

Позади него, за деревянными стенами детинца, просыпался Новгород. Город стоял на холмах над Волховом, растянувшись по обоим берегам реки, и сейчас, в раннем утреннем свете, казался неприступной твердыней. Бревенчатые стены с частыми башнями тянулись вдоль берега, кое-где поросшие мхом, кое-где — с пятнами свежей смолы, заливавшей недавние починки. Над стенами поднимались крыши теремов — княжеского, боярских, купеческих. Кое-где уже вился дым — женщины топили печи, начинали варить кашу.

На Торговой стороне, где река делала плавный изгиб, шумел торг. Ещё только светало, а возчики уже стягивали телеги к причалам, рыбаки вытаскивали сети, купцы отпирали лари с товаром. Пахло рыбой, дёгтем, мокрым деревом и чем-то сладковатым — мёдом или воском. Между лавками сновали мальчишки-отроки, разнося горячие лепёшки; бабы торговали квасом и капустой. Где-то залаяла собака, кто-то закричал на лошадь — обычный утренний гам, без которого Новгород немислим.

За рекой, на Софийской стороне, поднимались к небу островерхие кровли капищ — Перунов холм, где жрецы ещё вчера жгли жертвенный огонь, и сегодня дым стлался по земле, смешиваясь с туманом. Там жили старейшины, знать, те, кто помнил ещё дедов Гостомысла. Они не любили варягов, но умели молчать, когда это было выгодно.

Новгород был богат. Не золотом и мрамором, как Царьград, а лесом, мехом, воском, мёдом — тем, что ценилось на чужих торгах. Через него шёл путь из варяг в греки, и каждый купец, каждая ладья платили пошлину, кормили князя и его дружину. Новгород был горд. Никто не указ здесь, никто не смел диктовать свою волю — ни хазары, ни варяги, ни свои же князья. Здесь собиралось вече, и крик толпы порой решал судьбу города.

Но сейчас Новгород притих, наблюдая за чужой ладьёй. Люди высыпали на стены, на причалы, на крыши — глазели, крестились, спорили. Кто-то узнавал Рюрика, кто-то боялся, кто-то надеялся. Добрыня не знал, чего ждать от этого конунга. Но он знал одно: Новгород больше не может оставаться без твёрдой руки. И если Рюрик окажется той рукой — пусть будет так.

Он поправил пояс, глубоко вздохнул и пошёл встречать гостя.

Сначала он услышал их — мерный скрип вёсел, негромкие команды на чужом языке, звон железа. Потом увидел.

Их было три. Узкие, длинные, с высоко задранными носами, на которых были вырезаны головы драконов. Борта ладей пахли свежей сосной и смолой, но кое-где темнела старая, запёкшаяся кровь.

Драккары шли ровным строем, как клинья журавлей. Гребцы работали вёслами в такт. Добрыня торговал с варягами десять лет и знал: обычно они подходят шумно, с криками. Но эти молчали. Как волки.

Первый драккар ткнулся носом в настил. С него сошёл человек, которого Добрыня не узнал, но сразу понял: вот он.

Роста выше среднего, плечист, но не грузен. Борода русая, короткая, аккуратная. Глаза серые, холодные, как лёд на Волхове в декабре. Одет в простую волчью шубу, под которой угадывалась кольчуга. На поясе — меч в простых ножнах, без золота, без камней, но рукоять обмотана старой кожей, потёртой от многих сражений.

Он шагнул на пристань, и за ним — один за другим, без суеты — стали сходить его люди. Три десятка воинов. Они выгружались молча, осматривали берег, держа руки на рукоятках мечей. Искали слабые места.

Одеты они были по-разному, но всех объединяло железо. Кольчуги, кожаные куртки с железными пластинами, шлемы — не рогатые, а простые, конические, с наносниками. Оружие: мечи, топоры, копья. У некоторых за спиной луки и колчаны со стрелами.

У этих варягов не было лиц — были морды. Обветренные, в шрамах, с прищуренными глазами. Ни улыбки, ни злобы — просто ожидание. Как у псов перед травлей.

Один из них, рыжий великан, нёс на плече топор, который мог бы разрубить лошадь пополам. На шее висело ожерелье из медвежьих клыков.

— Добрыня? — спросил варяг с серыми глазами по-славянски, с сильным акцентом, но чисто.

— Я, — ответил Добрыня. Голос не дрогнул.

— Давно не виделись, — сказал он. — Я пришёл по зову вашего князя. Где он?

— Умер. Сорок дней назад.

Рюрик не изменился в лице. Только чуть прищурился.

— Жаль, — сказал он. — Он был мудрым человеком. Кто теперь княжит?

— Никто, — ответил Добрыня. — Пока никто. Есть двое — мой брат Крут и я. И город не знает, кого выбрать.

— А хочешь, я выберу за вас? — Рюрик улыбнулся недоброй улыбкой.

— Ты пришёл по грамоте, — сказал Добрыня. — В грамоте сказано: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Это писал мой отец.

Рюрик медленно оглядел пристань, стены, воинов Крута в отдалении. Он оценивал.

— Я вижу, — сказал он. — Порядка действительно нет. — Он посмотрел на Добрыню. — Что ты хочешь за свою поддержку?

— Чтобы мой брат не стал князем. И чтобы я остался при торговле.

— А если я стану князем, что тогда будет с твоей торговлей?

— Тогда она расцветёт, — сказал Добрыня. — Потому что варяги умеют торговать не хуже, чем воевать.

— Ты прав, — Рюрик кивнул. — Воевать мы умеем. Но торговать — лучше. Торговля приносит серебро. Война — только могилы.

Он повернулся к своим людям и что-то сказал на их языке. Рыжий великан кивнул, и отряд начал выгружать с ладей тяжёлые сундуки. Засверкало серебро.

— Это задаток, — сказал Рюрик. — За право войти в город с миром. Если я останусь — заплачу больше.

— Ты уверен, что сможешь править? — спросил Добрыня. — Крут не любит чужаков.

— Крут любит только себя, — ответил Рюрик. — Я таких знаю. С ними можно договориться. Или убить. Я предпочитаю договариваться. Но если не получится — у меня есть три десятка псов, которые не знают слова «страх».

Он подошёл ближе. Добрыня почувствовал запах железа, пота и мха.

— Веди меня к твоему брату, Добрыня, — сказал Рюрик. — И не бойся. Я не кусаюсь. Если за мной приходят с миром.

Эх, не было в живых сестры Белославы. Умная, смелая, с огнём в груди. Её отдали за Рюрика два года назад — отец хотел мира с варягами. Добрыня тогда не возражал: выгодный торг. Но теперь, когда отца не стало, а Рюрик стоял на пристани с тремя драккарами, Добрыня вдруг остро пожалел, что сестры нет рядом. Она бы уладила и Крута, и самого конунга. А может, и вовсе не дала бы варягам переступить порог.

2. Крут

Новгород Великий, зима 862 года

Крут пил три дня.

Не потому, что горевал об отце, и не потому, что боялся варягов. Он пил, потому что его унизили. При всех. На его земле.

Добрыня, младший братец, продажный торгаш, привёл чужого конунга и посадил его на место, которое принадлежало Круту по праву.

На третий день Крут проснулся в своей гриднице. Голова раскалывалась. Рядом сидел воевода Ратибор — старый вояка с лицом, изрезанным шрамами, и единственным глазом.

— Очухался, княже? — спросил он.

— Не называй меня так, — прохрипел Крут. — Я теперь не князь. Князь — варяг.

— Пока он князь, — сказал Ратибор. — А завтра — кто знает?

Крут сел, перетерпел боль.

— Говори.

— Твои люди ждут. Две сотни. Все верные.

— А у варяга?

— Три десятка его собственных псов. Плюс переметнувшиеся из ополчения. Думаю, всего полсотни.

— А у Добрыни?

— Его наёмники. Они за серебро. Если перебьём варягов, они перейдут к нам.

Крут посмотрел в окно. За мутной слюдяной пластиной валил снег.

— Что говорят люди?

— Молчат. Ждут. Кто победит — того и будут славить.

— А боги?

Ратибор усмехнулся.

— Боги молчат всегда.

Крут встал, заставив ноги держать прямо.

— Позови волхва, — сказал он. — Того, что живёт у Старой Ладogi. Говорят, он знает слова, которые делают человека неуязвимым для железа.

Ратибор посмотрел с сомнением, но ушёл.

Волхва звали Велемудр. Он пришёл на закате. Старый, седая борода до пояса, глаза чёрные, глубокие. Одет в белую льняную рубаху, босой, несмотря на мороз. От него пахло дымом и сушёными грибами.

— Знаю, зачем позвал, — сказал он, не здороваясь. — Хочешь силу на чужака.

— Хочу вернуть своё, — ответил Крут.

— Старший — не значит лучший, — волхв покачал головой. — Гостомысл знал: ты не удержишь город. Слишком горяч. Слишком прям.

— Ты пришёл поучать меня?

— Я пришёл сказать правду. Убьёшь Рюрика — придёт другой. У него за морем родичи. Сожгут Новгород дотла. Ты этого хочешь?

— Я хочу, чтобы никто не указывал мне.

— Право даёт не кровь, — волхв прищурился. — Право даёт сила заставить людей идти за тобой, даже когда ты неправ.

— У меня есть двести воинов.

— А у Рюрика — правда, — сказал Велемудр. — Он пришёл по приглашению. Люди устали от усобиц. Они хотят порядка. Ты можешь дать им порядок?

Крут промолчал. Не мог.

— Тогда не бери грех на душу, — волхв встал. — Перун не станет помогать тому, кто ведёт свой народ к гибели.

Он развернулся и вышел.

Ночью к Круту пришёл гонец от Добрыни. Грамота гласила:

«Брат. Не делай глупостей. Рюрик силен, но не жесток. Он дал тебе твою половину города. Если поднимешь мятеж — он убьёт тебя. Ты убил Святослава. Я знаю. Рюрик знает. Все знают. Сиди тихо. Торгуй. Живи. Это не твоё».

Крут перечитал грамоту трижды, потом сунул в печь. Береста вспыхнула, и через минуту остался только пепел.

— Трус, — сказал он вслух. — Торгаш. Предатель.

Но в глубине души знал: брат прав. И всё же главная ненависть Крута к Рюрику была не из-за княжения. Белослава. Единственная, кого он любил по-настоящему — не как брат, а как защитник. Когда её увезли за море, он поклялся: если Рюрик обидит её, он перережет ему горло. А через год пришла весть: Белослава умерла в родах. Ребёнок тоже не выжил. Рюрик прислал серебро на помин — много серебра, целый сундук. Крут вышвырнул его в Волхов. «Не серебром, — прошептал он тогда, — не серебром измеряется жизнь сестры».

Утром Крут приказал Ратибору распустить воинов.

— Ты сдаёшься? — не поверил воевода.

— Я выжидаю, — ответил Крут. — Волк не бьёт лбом о стену. Он ждёт, когда стена рухнет сама.

Он пошёл к терему, где теперь сидел Рюрик. Когда поднялся на крыльцо, дверь открылась. На пороге стоял рыжий варяг.

— Князь ждёт тебя, — сказал он. — Проходи.

Крут вошёл в гридницу. Рюрик сидел на месте отца.

— Садись, Крут, — сказал он. — Поговорим.

Крут сел напротив.

— Ты не напал, — сказал Рюрик. — Это умно.

— Я не дурак.

— Дурак, — возразил он. — Но умный дурак. Такие живут дольше. — Он помолчал. — Я знаю про Святослава. Я не скажу на вече при одном условии.

— Каком?

— Ты станешь моим человеком. Будешь делать то, что я скажу. Будешь платить мне дань не потому, что я сильнее, а потому, что я прав.

— А если не соглашусь?

— Тогда ты выйдешь отсюда, соберёшь своих воинов, нападёшь на меня, проиграешь, и твоя голова украсит частокол у пристани. Выбирай.

Крут смотрел на него. Тот не моргал.

— Я согласен, — сказал Крут.

— Клянись.

— Чем?

— Перуном, — сказал Рюрик. — И своей головой.

Крут встал, положил руку на меч Рюрика и произнёс слова клятвы.

Рюрик кивнул.

— Теперь ты мой, — сказал он. — Иди. Завтра начнём строить новый порядок.

Крут вышел. На крыльце его догнал рыжий варяг.

— Ты хорошо сделал, — сказал он. — Князь ценит верных людей.

— Я не верный, — ответил Крут. — Я живой.

Варяг засмеялся, хлопнул его по плечу.

— Это одно и то же, — сказал он. — В этом мире.

Крут пошёл прочь. Снег падал на лицо, таял и стекал по щекам, как слёзы. Но он не плакал. Он — Крут, сын Гостомысла. Он не плачет. Он ждёт.

3. Рюрик

Новгород Великий, зима 862 года

Рюрик сидел в гриднице Гостомысла, которая теперь стала его собственной, и смотрел на карту, найденную в сундуке покойного князя. Карта была старой, на пергаменте, края обгорели. На ней изображался мир — тот самый, что разделили после потопа сыновья Ноя. Гостомысл верил, что землю нужно делить по жребию, а не по мечу. Он ошибался. Землю делят сильные.

Рюрик думал о том, как оказался здесь. Гостомысл прислал грамоту, и Рюрик прочитал её трижды, прежде чем решиться: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Старый князь признавал своё бессилие и звал того, кто сильнее. Но Рюрик пришёл не из жалости к славянам. Он пришёл потому, что его собственный дом за морем был тесен.

Там, в Скандинавии, конунги резали друг друга за клочок земли размером с овчину. Земля была бедна, а амбиции богаты. На востоке, говорили купцы, лежали земли без царя. Богатые леса, полные пушнины. Реки, полные рыбы. Люди, которые не умели объединиться даже против общего врага. Хазары брали с них дань, печенеги жгли их веси, а они терпели, потому что не было над ними руки, которая сжала бы их в кулак. Рюрик решил стать этой рукой.

Когда его драккары вошли в устье Волхова, он смотрел на берега и видел будущее. Здесь будет город. Не Новгород — тот уже есть, — другой, больше, сильнее. Он построит крепость на холме, обнесёт её стенами, и никто не посмеет прийти сюда с мечом, кроме него.

Но сначала нужно было взять то, что уже есть. Добрыня встретил его на пристани. Рюрик сразу понял, с кем имеет дело: торгош до мозга костей. Он смотрел на Рюрика и оценивал — сколько тот стоит, какую выгоду принесёт. Такие люди полезны, пока ты силен. Как только почувствуют слабинку — продадут первому, кто даст больше серебра.

Крут оказался другим. Рюрик видел его глаза, когда они стояли на площади. Крут ненавидел его так, как ненавидят только те, кто потерял то, что считал своим по праву. Но он не был дураком. Он понял, что сила на стороне Рюрика, и отступил. Отступил, но не сдался. Он будет ждать. И однажды, если Рюрик даст слабинку, Крут вцепится ему в горло.

Рюрик не даст слабинку.

Сейчас он водил пальцем по карте. На север — море, холод, льды. Там нечего брать. На запад — варяги, шведы, норманны. Там каждый дюйм полит кровью. На юг — Киев, Царьград, богатство. На восток — Волга, хазары, серебро. Вот куда он пойдёт. На юг и на восток. Но сначала нужно сделать Новгород своей крепостью.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Рюрик, не оборачиваясь.

Вошел Эйнар — его ближник, рыжий великан, который был с ним ещё в первом походе. Он нёс поднос с мясом и хлебом.

— Ты не ел весь день, конунг, — сказал он, ставя поднос.

— Не голоден.

— Воевать голодным нельзя.

Рюрик вспомнил. Эйнар всегда говорит о войне, даже когда речь о еде. Он хороший воин — преданный, сильный, не слишком умный. Именно таких Рюрик держал рядом. Умные опасны.

— Сядь, — сказал Рюрик. — Поговорим.

Эйнар сел на лавку.

— Что ты думаешь о Круте? — спросил Рюрик.

— Волк, — ответил Эйнар. — Волка нельзя приручить.

— А если отрубить ему голову?

— Тогда придёт другой волк. Стая не прощает убийства вожака.

— Ты мудрее, чем кажешься, — сказал Рюрик.

Эйнар улыбнулся широко, по-детски.

— Я просто видел много боёв, конунг. И знаю: врага лучше сделать другом, чем трупом. Друг может предать, но труп не поможет в битве.

— А если друг предаст?

— Тогда убьёшь. Но не раньше.

Рюрик кивнул. Крут пока нужен живым. Он знает лес, знает людей, знает тропы, по которым хазары приходят за данью. Он полезен. Но полезность — не вечна. Рюрик не сказал Эйнару всего. Не сказал, что три года назад взял в жёны Белославу, дочь Гостомысла. Старый князь сам привёз её за море — хрупкую, светловолосую, с глазами цвета северного неба. Рюрик тогда думал, что это лишь торговая сделка: Новгород в обмен на серебро. Но Белослава оказалась умнее любого купца. Она учила его славянскому языку, рассказывала о порогах на Днепре, о хазарских хитростях. А когда умерла в родах, унеся с собой и ребёнка, Рюрик впервые заплакал после смерти отца. Теперь, сидя в гриднице Гостомысла, он смотрел на те же стены, что видела она. И понимал: он здесь не только по зову, но и по праву. Он — муж дочери Гостомысла. Он — её голос среди живых.

Эйнар уже собрался уходить, когда в дверь снова постучали — настойчиво, трижды.

— Ещё кто-то? — Рюрик поднял бровь.

Эйнар распахнул дверь. На пороге стояли двое — оба в добротных кольчугах, с мечами на поясе, за плечами — меховые плащи, промёрзшие насквозь. За их спинами в дверном проёме виднелись ещё люди — десятка два воинов, сгрудившихся на крыльце.

— Конунг, — первый, постарше, с тёмной бородой и цепким взглядом, шагнул вперёд и склонил голову. — Мы пришли по твоему зову, но задержались в пути — шторм разметал наши драккары у берегов Эстланда.

Рюрик узнал его. Аскольд. Они ходили в походы вместе десять лет назад — Аскольд был смел, умён, но слишком жаден до власти. Рядом с ним стоял Дир — моложе, шире в плечах, с лицом, изрезанным первыми шрамами.

— Аскольд, — Рюрик не встал, но голос потеплел. — Дир. Я думал, вы остались за морем.

— Мы слышали, что ты взял Новгород, — сказал Аскольд, выпрямляясь. — Мы — твои бояре, конунг. Как и наши отцы служили твоему отцу. Мы пришли служить тебе.

Рюрик молчал, разглядывая их. За спинами Аскольда и Дира стояло два десятка варягов — обветренных, закованных в железо, с топорами на плечах. Хорошие воины. Опасные воины.

— Служить? — переспросил Рюрик. — Тогда раздевайтесь, грейтесь. Завтра мы выступаем к кривичам — собирать дань.

Аскольд и Дир переглянулись. Дир шагнул вперёд, но Аскольд остановил его жестом.

— Конунг, — сказал Аскольд, — мы пришли просить не об этом. Мы хотим отправиться в Царьград. Со своим родом, со своими людьми. Греки, говорят, нанимают варягов в свою гвардию. Мы послужим там, накопим серебра и славы, а потом вернёмся к тебе с полными руками.

В гриднице повисла тишина. Эйнар положил руку на топор. Рюрик не шевелился.

— В Царьград, — медленно повторил он. — Через земли полян, через днепровские пороги, мимо хазар и печенегов. Вы знаете, чем это грозит?

— Знаем, — ответил Аскольд. — Но мы — варяги. Море и реки — наш дом.

Рюрик смотрел на них долго, прищурившись. Он понимал: если он запретит, Аскольд и Дир уйдут всё равно — тайком, ночью, и тогда они станут врагами. А если отпустит — они могут не вернуться. Но по крайней мере сейчас он сохранит мир.

— Хорошо, — сказал Рюрик наконец. — Ступайте. Служите грекам. Но помните: вы мои бояре. Ваш род — мой род. Если я позову — вернётесь.

— Вернёмся, — кивнул Аскольд, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимое — может быть, обещание, а может быть, ложь.

Рюрик встал, подошёл к ним и положил руки на плечи обоим — сперва Аскольду, потом Диру. По обычаю предков, это означало благословение на дальний путь.

— Ступайте, — повторил он. — Да хранит вас Перун.

Он вышел за ними на крыльцо. Ночь была морозной, звёздной. На пристани, у ладей, уже ждали люди Аскольда и Дира — разводили костры, грелись, чинили снасти.

Аскольд обернулся у самой ладьи.

— Прощай, конунг, — сказал он. — Когда вернёмся, ты нас не узнаешь.

— Я узнаю, — ответил Рюрик. — Варяга всегда узнаю.

Ладьи отчалили, когда взошла луна. Рюрик стоял на берегу, пока паруса не растаяли в темноте. Эйнар подошёл сзади, хмурый.

— Ты отпустил их, конунг. Они не вернутся.

— Знаю, — сказал Рюрик, не оборачиваясь. — Но если бы я их задержал, они подняли бы мятеж. А мятеж в самом начале — хуже, чем потеря двух десятков воинов.

— Ты мудр, — буркнул Эйнар.

— Нет, — Рюрик покачал головой. — Я просто выбираю меньшее зло. А теперь — спать. Завтра идём к кривичам.

Он вернулся в гридницу, лёг на лавку, накрылся плащом.

— Аскольд, Дир, — прошептал он в темноту. — Когда-нибудь мы встретимся снова. Я вспомню этот вечер.

Перед сном он всегда думал об отце. Тот был сильным конунгом, но глупым. Он верил в верность. Его убили свои же — за столом, во время пира, когда он был пьян и безоружен. Рюрик не повторит его ошибок. Он не пьёт с теми, кому не доверяет. Он не спит с мечом дальше вытянутой руки. Он не верит никому, кроме себя.

С этой мыслью он заснул.

Утром Рюрика разбудил крик петуха. Он встал, умылся ледяной водой из ведра, натянул кольчугу, опоясался мечом. Вышел на крыльцо. Снег перестал, небо было чистым, солнце слепило глаза.

На дворе уже стояли его люди. Три десятка варягов в железных шлемах, с топорами и мечами. Они ждали.

— Сегодня, — сказал Рюрик, — идём к кривичам. Они должны нам дань за прошлый год. Если отдадут — хорошо. Если нет — мы возьмём сами.

— А если будут биться? — спросил кто-то из задних рядов.

— Тогда мы покажем им, что значит биться с русью.

Люди засмеялись. Они любили, когда он говорил такие вещи. Это делало их сильнее.

Рюрик посмотрел на город. Новгород просыпался — дым из труб, скрип снега под ногами, редкие прохожие, которые крестились при виде его воинов. Они боялись. Это хорошо. Страх — лучший порядок.

Он махнул рукой.

— Выступаем.

И они пошли — через снег, через лес, на юг, туда, где ждали их кривичи и новая дань. А впереди был Киев.

4. Добрыня

Новгород Великий, весна 863 года

Рюрик ушёл на юг в самом начале весны. С ним — три десятка его варягов и полсотни новгородских ополченцев, нанятых за деньги Добрыни. Крут остался в городе, сказав: «Я не пёс, чтобы бегать за чужим конунгом».

Добрыня остался тоже. Не потому, что боялся похода — он не был воином, его делом была торговля, — а потому, что в Новгороде без присмотра оставлять брата было опасно. Как волка в овчарне.

Астрид в последнее время стала часто говорить об отъезде.

— Я не хочу, чтобы Герда росла среди вечных ссор, — сказала она однажды вечером, когда Добрыня вернулся с очередного торгова. — Здесь каждый день может вспыхнуть резня.

— Рюрик не допустит, — ответил Добрыня.

— Рюрик — варяг, ему нужна власть, а не дети. А я мать.

— Куда ты поедешь?

— К отцу, в Бирку. Там спокойно. Герда увидит море, выучит язык предков.

— А я?

— А ты приезжай, когда сможешь. Торговля не волк — в лес не убежит.

Добрыня вздохнул. Спорить с женой было бесполезно. Он отсчитал серебро на дорогу, но про себя решил: отъезд отложить, пока не утихомирится Крут.

Стояли тёплые дни. Волхов вскрылся ото льда, по нему пошли первые купеческие ладьи. Торг шёл бойко. Добрыня продавал воск, покупал серебро, договаривался с варяжскими купцами о новых поставках мечей. Всё было как обычно, но он чувствовал — что-то меняется.

В начале апреля к нему пришёл Тормод, старый кузнец. Он выглядел встревоженным.

— Добрыня, — сказал он, прикрыв дверь. — Твой брат вчера всю ночь принимал гостей.

— Крут всегда принимает гостей. Он любит медовуху.

— Не тех гостей. К нему приходили старейшины с Торговой стороны. И двое из Софийской. И ещё какой-то человек в чёрном, лица я не разглядел.

Добрыня отложил бересту.

— Ты уверен?

— У меня глаза старые, но зоркие. Они сидели до полуночи. А когда уходили, были трезвы. Значит, пили мало, а говорили много.

Добрыня кивнул. Крут не принял Рюрика. Он присягнул ему под угрозой смерти, но в душе остался врагом. И теперь, когда варяг ушёл на юг, у брата появилась возможность. Тридцать варягов Рюрика ушли с ним. В Новгороде осталась только охрана Добрыни — двадцатка наёмников. И три сотни ополченцев Крута. Если Крут ударит, Добрыня не удержится.

Он решил действовать первым. Не мечом — серебром.

На следующий день Добрыня пригласил к себе на обед самых влиятельных старейшин Торговой стороны — тех, кто торговал с варягами и получал от этого прибыль. Он накрыл стол: рыба, мясо, мёд, даже вино из Царьграда, которое берёт для особых случаев.

— Господа, — сказал он, когда они насытились. — Вы знаете, что Рюрик ушёл на юг. Вы знаете, что мой брат Крут остался в городе. И вы знаете, что он не любит варягов.

Старейшины закивали. Толстый купец Жирослав спросил:

— К чему ты клонишь?

— К тому, — сказал Добрыня, — что если Крут возьмёт власть, он перекроет путь по Волхову. Он ненавидит варягов, а значит, перестанет торговать с ними. Кто тогда будет покупать наш воск? Кто продаст нам олово и мечи?

— А что предлагаешь ты? — спросил седой Микула с хитрыми глазами.

— Поддерживать Рюрика. Пока он сидит в Новгороде, путь на запад открыт. Варяги платят серебром. Мы богатеем. Крут — воин, он не понимает в торговле. Он хочет только власти. А мы хотим прибыли.

— А если Рюрик не вернётся из похода?

— Вернётся, — сказал Добрыня. — Я знаю таких людей. Они не проигрывают.

Старейшины переглянулись. Микула поднял кубок.

— За Рюрика, — сказал он. — И за твоё серебро, Добрыня.

Добрыня улыбнулся. Не потому, что был рад, а потому, что понял: теперь они его. Пока он платит — они его.

Ночью ему не спалось. Он вышел на крыльцо, взглянул на Волхов. Река блестела под луной, чёрная, глубокая. На той стороне, в детинце, горели костры — это Крут с дружиной пировал. Добрыня слышал их песни — грубые, разухабистые песни о битвах и крови.

Они поют о том, чего я не умею, — подумал он. — Они умеют умирать. А я умею жить. Кто из нас прав?

Добрыня вдруг вспомнил Белославу. Сестра всегда смеялась над его страхом перед кровью. «Ты торгуешь мясом, но боишься зарезать курицу», — говорила она. И была права. Если бы Белослава осталась в Новгороде, она бы уже давно заставила Крута и Рюрика сесть за один стол. Но её нет. А он, Добрыня, должен выбирать: серебро или кровь. Он выбрал серебро. И теперь будет жить с этим. Он не знал ответа. Но знал другое: когда Рюрик вернётся, Крут не посмеет поднять голову. А если посмеет — Добрыня поможет варягу утопить его в крови. Не потому, что он жесток. А потому, что он хочет жить. И торговать.

А наутро в дверь постучали. Вошёл человек, которого Добрыня не ждал. Старый, очень старый, в белой льняной рубаше, босой, несмотря на утренний холод. Борода седая до пояса, глаза чёрные, глубокие. Велемудр, тот самый волхв, который отказал Круту.

— Ты? — Добрыня сел на лавке. — Зачем пожаловал?

— Сон мне приснился, Добрыня, — сказал волхв. — Сон о тебе и о твоём роде.

— Я не верю в сны. Я верю в серебро.

— Серебро не спасёт тебя, когда придёт Четвёртый.

Добрыня нахмурился.

— Какой Четвёртый? Братьев у меня трое, один мёртв. Осталось двое.

— Я говорю не о братьях, — Велемудр сел напротив. — Слушай.

И он рассказал свой сон: о камне, о мече, о трёх фигурах — Рюрике в кольчуге, Добрыне с мешком серебра, Круте с топором. И о четвёртом, высоком, в белом плаще, который взял меч и сказал: «Я приду после всех. Я соберу землю. Я назову её своим именем».

— И что это значит? — спросил Добрыня.

— Ни ты, ни твой брат, ни даже Рюрик не возьмёте эту землю. Придёт другой. Тот, кого не звали.

— Когда?

— Не знаю. Может, через год. Может, через сто.

— Зачем ты мне это рассказал?

— Чтобы ты не думал, что серебро и мечи решают всё. Есть вещи выше. Судьба.

Велемудр встал и вышел, не попрощавшись. Добрыня остался сидеть, глядя на закрытую дверь. «Четвёртый. Русь. Которого не звали». Он не знал, что это значит, но почему-то ему стало холодно, хотя на дворе была весна.

5. Кривичи

Земля кривичей, град Смоленск, зима 862 года

Рюрик шёл по лесу третий день. Снег валил стеной, но варяги не жаловались — они привыкли к худшей погоде за морем. Здесь, в верховьях Днепра, зима была мягче, чем в Скандинавии, но сырость пробирала до костей.

— Конунг, — подал голос разведчик, возникший из снежной пелены. — Впереди дым. Много дымов. Смоленск.

— Вижу, — сказал Рюрик. — Приготовьте мечи. Но не обнажайте без приказа.

Всеслав, старейшина кривичей, стоял на стене и смотрел на заснеженный лес. Ему было семьдесят лет, но он помнил каждую зиму, каждую битву, каждую дань. Сейчас из леса выходил враг.

— Сколько их? — спросил он у сына Мстивоя.

— Сотня, может, больше. Идут с севера. Впереди — сам Рюрик.

Всеслав задумался. Он оглядел свои владения. Смоленск стоял на высоком берегу Днепра. Земля кривичей была холмистой, густо поросшей лесом, но пашни встречались часто. Кривичи — земледельцы. Рожь, лён, конопля — вот их богатство. И воск, конечно. Греки любили кривичский воск.

— Отец, — Мстивой дёрнул его за рукав. — Они у ворот.

— Вижу. Не суетись.

Всеслав посмотрел на свои силы. За стенами — две сотни дружинников и три сотни ополченцев. Пятьсот против сотни варягов. Хорошие шансы, если бы не одно но: свои пятьсот — это крестьяне с топорами и рогатинами, а варяги — железные псы, которые резали славян как нож масло.

— Не будем биться, — сказал Всеслав.

— Отец?! — Мстивой не поверил. — Они пришли за данью! За нашим серебром, мехами, воском!

— Я хочу, чтобы наши дети жили, — ответил Всеслав. — Серебро можно накопить снова. Сына — нет.

— Ты трусишь!

Всеслав медленно повернулся к сыну. Глаза его были холодны.

— Я прожил семьдесят зим. Я видел, как умирают храбрые и как живут трусы. Трусы живут дольше. Мы заплатим. Не потому, что слабы, а потому, что умны.

Мстивой хотел что-то сказать, но промолчал.

— Открой ворота, — велел Всеслав. — И приготовь дары. Меха, серебро, мёд. И хлеб-соль. Встретим конунга как гостя.

Рюрик вошёл в Смоленск без меча — оставил его у ворот в знак доверия. С ним были только Эйнар и двое телохранителей. Остальные варяги остались за стенами.

Всеслав встретил конунга на главной площади, у деревянного идола Перуна с золотыми губами — знаком богатства кривичей.

— Добро пожаловать, князь, — сказал Всеслав, кланяясь. — Тот, кто пришёл по зову Гостомысла, достоин уважения.

— Уважение не кормит, — ответил Рюрик. — Я пришёл за данью. Твой народ должен мне за прошлый год.

— Должен, — согласился Всеслав. — Но зачем тебе наша дань? Ты сидишь в Новгороде. Чего тебе не хватает?

— Порядка, — сказал Рюрик. — Порядок стоит денег. Я строю крепости, собираю войско, защищаю торговые пути. Твои купцы ходят по Днепру в Царьград. Кто их охраняет? Хазары? Печенеги? Нет. Я. Мои люди.

— Твои люди берут плату за то, что раньше было бесплатным.

— Раньше вы платили хазарам, — ответил Рюрик. — Или забыл?

Всеслав промолчал. Он не забыл.

— Вы, кривичи, — продолжал Рюрик, — народ терпеливый. Воск ваш, говорят, лучший на всём пути из варяг в греки. А ещё вы контролируете волок между Днестром и Западной Двиной. Это дорогого стоит.

— Ты хорошо осведомлён, — сказал Всеслав.

— Я плачу лазутчикам. Я назвал свою цену: две куницы с дыма.

— Это грабёж!

— Это цена мира, — повторил Рюрик. — Ты можешь отказаться. Тогда я возьму силой. И возьму не две куницы, а всё, что найду в твоём граде. И твою голову заодно. Выбирай.

Всеслав смотрел на варяга. Тот не моргал. Глаза серые, как зимнее небо. Ни страха, ни сомнения.

— Две куницы, — сказал наконец Всеслав. — Но ты поклянёшься, что не тронешь моих людей. И что не тронешь наши веси за Двиной.

— Поберегу, — кивнул Рюрик. — Клянусь Перуном и своим оружием.

— Этого мало, — вмешался Мстивой. — Клянись Велесом — он скотий бог, а дань наша — скот и меха.

Рюрик посмотрел на молодого кривича.

— Твой сын смел, старейшина. Горячие живут ярко, но умирают быстро. Научи его мудрости.

— Я научу, — буркнул Всеслав. — А ты клянись.

— Клянусь Велесом, — произнёс Рюрик. — И землёй, и небом, и водой. Доволен?

Мстивой хотел что-то добавить, но Всеслав шикнул на него.

— Доволен, — сказал старейшина. — Сегодня же соберём дань.

К вечеру дань была собрана. Меха — куница, белка, соболь — лежали в коробах. Серебряные монеты звенели в кожаных мешках. Воск пах мёдом и лесом.

Рюрик ходил между коробами, трогал меха, пробовал воск на зуб.

— Добро, — сказал он. — Кривичи не обманули.

— Мы никогда не обманываем плательщиков, — ответил Всеслав. — Только тех, кто не платит.

Они стояли у ворот, глядя, как варяги грузят добро на сани. Смеркалось.

— Что теперь будет с нами? — спросил Всеслав. — Хазары могут обидеться.

— Хазары далеко, — ответил Рюрик. — Я близко. Если придут — зови. Помогу.

— Поможешь? Или придёшь брать вдвое?

— Посмотрим по обстоятельствам. — Рюрик вскочил на коня. — Прощай, старейшина. Через год приду снова. Готовь дань.

— Приходи, — ответил Всеслав. — Будет дань.

Отряд двинулся на север, в Новгород. Смоленские ворота закрылись. Мстивой подошёл к отцу.

— Что теперь?

— Теперь — жить, — сказал Всеслав. — И ждать. Когда-нибудь этот Рюрик умрёт. Или его сыновья перессорятся. Тогда мы снова станем свободными.

— А если не умрёт?

— Тогда мы умрём, но будем помнить, что были свободными.

Старейшина повернулся и пошёл в терем, опираясь на посох. Варяги забрали почти всё. Но жизнь продолжалась.

6. Вайне

Земля мери, городок Мерянск, весна 863 года

Вяйне, старейшина Мери, сидел на крыше своей избы и смотрел на лес. Ему было шестьдесят зим. Он видел, как приходили варяги и как уходили, как приходили хазары и как уходили. Все они хотели одного — пушнины, мёда, воска, серебра. Никто не хотел их самих.

Земля мери лежала между Волгой и Окой, к северу от мордовских лесов и к западу от вятичей. Это был край болот и ельников, глухих топей и редких сухих грив. Летом гнус — мошкара, комары, слепни — заедал скотину до смерти. Зимой мороз трещал такой, что птицы падали на лету. Меря не были богаты, но были свободны. Или были свободны, пока не пришёл Рюрик.

Их реки — мелкие, извилистые. По ним можно было ходить только на плоскодонных долблёных лодках, не на варяжских драккарах. Самая большая, Нерль, впадала в Волгу. По ней возили мёд и воск к булгарам, а оттуда привозили серебро и бусы.

Меря не строили крепостей из брёвен, как словене. Их городки — частокол да земляной вал. Внутри — десятка полтора изб, амбар, капище. Мерянск был самым большим: три десятка дворов, два амбара, священная берёза с лоскутками. Здесь Вяйне, старейшина, хранил кости предков и амулеты.

Его люди появились у них в начале весны. Пять варягов на ладье, с мечами и топорами. Они сказали: «Платите дань новгородскому князю». Вяйне спросил: «Какую дань?» Они ответили: «По белке с дыма». Вяйне сказал: «У нас нет белки, мы рыбу ловим». Они засмеялись. Один из них, рыжий и кривой, сказал: «Тогда давайте рыбу. Или мёд. Или шкуры. Или жизнь».

Вяйне дал им мёд. Десять бочек. Они ушли, но обещали вернуться через месяц. С того дня старейшина не спал спокойно.

Меря не были воинами. Их мужчины умели стрелять из лука, ставить силки, бить лося рогатиной. Но это была охота, не война. На войну нужна железная дисциплина, кольчуги, шлемы, мечи, которые не ломаются об кость. У мери были копья с костяными наконечниками, луки из берёзы, ножи из лосиной кости. Против варяжского железа они были как зайцы против волков.

Вяйне помнил, как тридцать лет назад хазары пришли с востока. У них были сабли и длинные копья. Меря выставили три сотни лучников. Хазары выставили всадников в железных чешуйчатых рубахах. Стрелы царапали их, как мухи слона. Хазары сожгли три деревни, увели скот, забрали десять девушек в рабство. С тех пор меря платили хазарам дань — по куннице с дыма. А теперь ещё и варяги, и новгородцы. И все хотели одного.

Вяйне собрал старейшин в своей избе. Они сидели, пили отвар из трав, курили трубки. Говорили негромко, чтобы духи леса не услышали.

— Варяги придут снова, — сказал Вяйне. — Они возьмут ещё мёда. Потом — шкуры. Потом — наших детей в рабство. Что будем делать?

— Бежать, — сказал один, молодой, с быстрыми глазами. — Уйдём в леса, дальше, где они не найдут.

— Они найдут, — сказал другой, старый, с морщинистым лицом. — У них собаки. Они умеют читать следы.

— Тогда биться, — сказал третий.

— Чем? Палками?

— У нас есть яд, — сказал четвёртый. — Наши стрелы можно смазать. Одна царапина — и варяг упадёт замертво.

Старейшины задумались. Яд — это хорошо. Женщины умели варить яд из мухоморов и волчьей ягоды. На кончике стрелы он убивал человека за час, если попадал в кровь. Но варяги носили железо. Стрела с костяным наконечником не пробьёт кольчугу.

— Нужно звать на помощь, — сказал Вяйне.

— Кого? Хазаров? Они ещё хуже варягов.

— Не хазаров. Чудь. Весь. Мурому. Вместе нас много. Вместе сможем выставить тысячу луков.

Чудь жила на севере, за озером Нево, в лесах, где даже летом солнце стояло низко. Они молились камням и деревьям, не знали железа, но их лучники били без промаха. Весь — на Белоозере, рыбаки и звероловы, умели ставить сети не только на рыбу, но и на врага. Муромы — на Оке, родня меря, говорили почти так же, только «о» вместо «а». Вместе — тысячи три мужчин. Если объединятся, смогут прогнать варягов обратно за море.

Старейшины зашумели. Одни соглашались, другие боялись. Вяйне поднял руку.

— Я пошлю гонцов, — сказал он. — А вы пока прячьте мёд и шкуры в лес. Пусть варяги ищут — не найдут.

— А если найдут?

— Тогда будем биться. И умрём свободными.

Свобода для меря была не пустым словом. У них не было князей, как у славян. Были старейшины рода. Решали все вместе на вече. Женщины голосовали наравне с мужчинами — так заведено от предков. Их боги — не грозные Перуны, а лесные духи: хозяин леса, хозяин воды, мать-земля. Они приносили им не кровь, а хлеб да молоко. Боги не требовали жертв — они просили уважения.

Варяги со своими клятвами Перуном были меря чужды. Их бог был богом войны и железа. Боги меря — боги тишины и терпения. Но терпение кончалось.

Гонцы ушли на закате. Вяйне смотрел им вслед и думал: что, если он ошибся? Что, если Рюрик сильнее, чем кажется? Что, если он придёт с огнём и сожжёт их деревни?

Варяги умели жечь. Вяйне видел пепелище на месте одной весьской веси, которая отказалась платить. Остались только трубы печей да обгоревшие кости. Люди говорили, что Рюрик жесток, но справедлив. Какая справедливость в том, чтобы брать у них последнее?

Но выбора не было. Меря платили дань хазарам, платили варягам, платили новгородцам. Сколько можно? Земля их — не их. И они не рабы.

Вяйне вернулся в избу, достал амулет — медвежий клык на кожаном ремешке — и прошептал молитву лесным духам.

— Помогите, — сказал он. — Или мы все умрём.

Лес молчал. Только ветер шумел в вершинах сосен. Но старику показалось — или ветер принёс ответ? «Ждите», — прошелестело в ветвях. Или просто показалось. У стариков слух слабеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.